

«СЫПЛЕТ ЧЕРЕМУХА СНЕГОМ...»

Сцена в вечернем трамвае: седой поддатый мужик с овчаркой — без намордника. Овчарка на поводке. Чуть поодаль тоже поддатый малый в кожаной куртке на корточках. Пытается наладить контакт с овчаркой. Собаке, чувствуется, он противен. Оглушительно лает на малого.

- Вить, да не лезь ты к ней! Укусит,— упрасивает женщина.

- Не-а. Меня никто не укусит. Даже ты...

Овчарка оглушительно лает.

* * *

Мы едем в сторону Московского вокзала. По той самой улице, где стоит дом, гостеприимно приютивший в лихолетье 18-го на несколько недель великого поэта земли русской Сергея Александровича Есенина.

Мелькает мемориальная доска. Дребезжит вагон. Раздраженно лает овчарка, ярьась на пристающего к ней малого в кожаной куртке.

Тогда, семьдесят пять лет тому назад, на этой улице не было трамваев. Их вообще не было в Туле. Не было и завода точного машиностроения. Был пивоваренный. Он принадлежал Б. Повицкому, который в смутную голодную пору принял под свою крышу двух Сергеев, двух поэтов— Есенина и Клычкова.

Говорят, они ходили по редакциям в Туле. Выступали у пролеткультовцев, у солдат. Гуляли по парку.

Сыплет черемуха снегом.

Зелень в цвету и росе.

В поле, склоняясь

к побегам.

Ходят грачи в полосе...

Уже были написаны эти стихи к тому времени. А значит —звучали из уст задиристого, двадцатитрехлетнего «последнего поэта деревни» Руси уходящей.

И грусть, и музыка, и свет, и радость жизни — все вместе в его стихах. Спирает дыхание:

Выткался на озере алый
свет зари.

На бору со звонами
плачут глухари.

Плачет где-то иволга,
схоронясь в дупло.

Только мне не плачется—
на душе светло...

Или:
Край любимый! Сердцу
снятся

Скирды солнца в водах
лонных.

Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих
стозвонных...

А то вот это:
Я по первому снегу бреду
В сердце ландыши
вспыхнувших сил.

Вечер синею свечкой
звезду

Над дорогой моей
засветил...

Он, говорят, и зимой навевывался в Тулу. Видел ее укутанную снегом, завьюженную, от самого Московского вокзала. И зыркали на него хитренькие оконца одноэтажной Красноармейской улицы.

Сыплет черемуха снегом...

— Почитайте стихи Есенина,— попросили меня как-то на заводе точного машиностроения.

— А я Есенина всего наизусть знаю,— светлея лицом, говорил пожилой механизатор в Богородицком районе.

— Ну не всего, а весь день — с утра до вечера читать могу.

— Может, может, - поддерживали деревенские. — Мы его часто просим.

- Это наш, русский поэт! — слышал я о Есенине в дальней... Да о чем я? Где только по Руси великой не звучали

звонкие, словно только что вынутые из сердца стихи Есенина. Ну вот ты, именно ты хотел так сказать, но не нашел слов, а вот он за тебя спел, опростал твою душу. И сразу стало легко, легко и светло одновременно. И увиделась Русь, где «не видать конца и края — только синь сосет глаза». И почувствовал ты себя частью этой России, частью народа великого, доброго и талантливового.

Свято место, где ступала нога волшебника языка. Бояна русского.

Свято место...

* * *

Если задуматься, то приходишь к мысли: лишенные исторической памяти, мы — толпа. И до дикости одиноки в толпе. Имена великих писателей, художников, артистов, изобретателей, ученых объединяют нас в народ. В нацию. И чем сильнее наша память, тем богаче мы. Духовно, разумеется. Ибо и при материальном богатстве, обожравшись, завоешь волком от одиночества. От ненужности своей.

Кто-то сказал: культура нации измеряется по ее вершинам. Наши вершины огромны. Со всех точек земли виден Л. Н. Толстой, например. А Салтыков-Щедрин? А Глеб Успенский?.. Стоп! Только литературных имен, связанных с Тулой, можно насчитать десятки. Какое богатство! Но если их помнишь. Если единожды задумался над строчкой пишущего. Ради чего это он перепахал горы бумаги? Неужто ради рубля длинного?

Многих не помним мы. А когда помнить? Восемьдесят процентов туляков — рабочие люди. С утра на завод, в грохот цехов, в шум, в мат. Вечером — по магазинам. А идешь ли, едешь ли по улицам, глаза считают со стен домов немислимое, неперевариваемое нормальным человеком «Восход-Плюс», фирма «Pollera» и прочую дребедень, воспринимающуюся каким-то словесным мусором. Да тут не то что писателей — русский язык забудешь. Каждый коммерсант так и норовит что позабористее выдумать, что поамериканстей, позападнее. Пришел артист филармонии с выступления из школы. Рассказывает: «Ребятки, говорю, сейчас я вам о Есенине расскажу». Они зашевелились, задвигались. И вижу по лицам: не знают, кто это такой. Думают - солист какой из рок-группы.

Сникерсы — знают.

* * *

В тульских газетах недавно по случаю посещения российскими писателями николюско-вяземского имения Толстого с благодарностью говорилось о директоре Тульского машиностроительного завода Вадиме Сергеевиче Усове. Поклониться хочется этому человеку. На деле показал он, вернув к жизни заброшенный святой угол российской культуры, что не хлебом единым жив человек. А сколько недовольства было вокруг поначалу... Хоча верить: еще не раз поклонятся люди Вадиму Сергеевичу за Никольское-Вяземское.

Бок о бок с машиностроительным в Туле стоит завод точного машиностроения. Это он, потихоньку расширяясь, забрал под свое крыло бывший пивоваренный завод и тот, освященный проживанием Есенина одноэтажный дом под низкой крышей. Семью окнами глядел он на улицу Коминтерна. Зрячим пребывал он еще три года назад, когда книголюбые города писатели и, как говорится, культурная общественность Тулы в присутствии гостей из других городов устанавливали мемориальную доску, приобретенную и отгравированную на небогатые рубли любителей книги, почитателей Есенина.

«О, Русь, взмахни крылами...» — эпитафией — начертано есенинское на куске красного гранита. И далее под открытым лицом поэта слова: «В этом доме в конце 1918 года в семье тульского пивовара Б. Повицкого гостил несколько недель великий русский поэт Сергей Александрович Есенин со своим другом поэтом Сергеем Антоновичем Клычковым».

* * *

У тульского библиофила Валерия Васильевича Пилипенко на целый музей материалов о Есенине. Всю жизнь по книжке, по строчке, по листку собирал он. Не для себя.

Думалось: создать музей для Тулы в доме, где жил Есенин. Пригласить ребяташек, показать, рассказать: смотрите, какой поэт у нас с вами жил. Послушайте его стихи. Порадуйтесь звонкости и многоцветью родного языка. Может, поменьше бы стало мата на улицах, поменьше ожесточения, пустых глаз.

На заводе точного машиностроения тоже подумали: а не оттяпают ли под музей Есенина от бывшего пивоваренного завода, как мы когда-то — весь этот бывший пивоваренный завод оттяпали! То-то будет урон родной промышленности!

И подумав, не пожалели кирпича и краски. В один несчастный день, а хочется сказать, в одну темную ночь, заложили кирпичом окна, выходящие на городскую улицу, и быстренько замазали краской. Будто и не было окон, взирающих на мир Божий, а вечно была стена серьезного промышленного предприятия, нелепо выпирающая углом на улицу Коминтерна. Стена, на которой почему-то торчит мемориальная доска с березкой, каким-то портретом и какими-то словами, выбитыми на граните.

* * *

И проезжает, дребезжа, трамвай. И лает в нем на овчарку пассажир, встающий на четвереньки. И, матерясь, проходят на работу хмурые производственники.

То, что должно было быть храмом, определили, говорят, под склад. А может, под контору. Какая разница ослепшему дому?

«Сыплет черемуха снегом...»

Сергей ГАЛКИН. («Тульские известия», 13 декабря 1994 г.)

На снимке: открытие мемориальной доски на доме бывшего пивзавода «Унион» в День города Тулы 13 октября 1990 года.

Дом в 1990 г. С гравюры тульского художника Н. КАРАСЕВА.